

Александр Васильевич НАЗАРЕНКО

*Институт всеобщей истории РАН,
Институт российской истории РАН (Россия, Москва)
avnazarenko-hist@yandex.ru*

Др.-русск. *отьчичь*: границы смысла династического термина

В Ипатьевской летописи, в статье 6677 года, которая посвящена событиям 1167/8 мартовского года [Бережков 1963: 179–180], среди прочего описаны злоключения князя Владимира Мстиславича, одного из самых младших сыновей Мстислава Владимировича Великого. Не поладивши с захватившим Киев своим старшим племянником Мстиславом Изяславичем, Владимир направился было к сопернику Мстислава владими́ро-суздальскому князю Андрею Юрьевичу Боголюбскому. Далее по тексту летописи: «Андрѣи же посла противу ему и реч(е) ему иди в Рязань къ очичю своему къ Глѣбови а язъ ты надѣлю. и иде тамо» [ИЛ: 537; КЛ: 371, л. 191г.18-23]. Андрей, унаследовавший от отца, суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого, неприязнь к племени Мстислава Великого, не пылал семейной любовью к младшему двоюродному брату, за которым к тому же закрепилась дурная слава беспринципного интригана: «бо бяше къ всеи братьи своеи верьтливъ. не управливаше к ним хр(ь)стьного цѣлования» [ИЛ: 547]. Но политические резоны взяли верх: предстояла борьба за Киев против Мстислава Изяславича, и тут при случае мог пригодиться и «вертливый» Владимир. В ответе Андрея сквозит некоторая пренебрежительность, он обещает подумать о столе, какой смог бы выделить беглецу, покуда адресуя его к рязанскому князю Глебу Ростиславичу. Почему?

Муромо-рязанские князья, генеалогически являясь младшим ответвлением черниговских Святославичей (потомков Святослава, одного из сыновей Ярослава Мудрого), с некоторых пор политически ориентировались на Суздаль, и потому в деле Владимира Мстиславича слово Андрея Боголюбского практически решало дело. Вдобавок Глеб Рязанский был женат на племяннице Андрея, дочери его старшего брата Ростислава, к тому времени уже давно покойного. Тем не менее владими́ро-суздальский князь считает нужным объяснить свою уклончивость: Глебу Ростиславичу потому-де уместно приютить Мстиславича, что он является последнему «отчичем».

Понять такое определение нелегко. В словарях это слово трактуется однозначно как «наследник отцовского владения» [Срезн. II: 832, ст. **ОТЬЧИЧЬ**], «владелец, государь (по праву родового наследования)» [СлРЯ 14: 66, ст. **ОТЧИЧЬ (ОТЧИЦЬ)**], «владелец наследник по отцу» [СДРЯ VI: 313, ст. **ОТЬЧИЧЬ**]. В картотеке Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. термин зафиксирован всего дважды, оба случая приведены в словарной статье, в том числе и процитированный нами (само событие, заметим к слову, при этом ошибочно отнесено к 1169 г.). Второй контекст, происходящий из Галицко-Волынской летописи, беспорочен: здесь галицкие бояре просят венгерского ко-

роля Белу IV отпустить на галицкий стол малолетнего князя Даниила Романовича: «даи намъ от(ь)чича Галичю Данила» [ИЛ: 724; КНВ: 30–31; Х/П: 310, л. 627.25], — отец Даниила Роман Мстиславич действительно был князем галицким. Таким образом, термин со всей определенностью связывается с др.-русск. *отьчина* «наследственное по отцу земельное владение». Но каким образом и в каком смысле рязанский князь Глеб Ростиславич мог быть «владельческим наследником по отцу» в отношении князя Владимира Мстиславича? Никаких пояснений на этот счет в указанной словарной статье не дается. Между тем они здесь безусловно требуются.

В свое время В. Н. Татищев, включив приведенный летописный текст в свой труд [Татищев 1964: 85–86], сделал к нему неожиданное примечание: «Здесь хотя отчимом рязанского Глеба Владимиру именовал, но мать Владимирова, а княгиня Мстиславля в Киеве жила. Видно то, что Глеб был отчим жене Владимирове, но чия она жена была дочь, того неизвестно» [Татищев 1964: 247, прим. 497]. Как видим, историку середины XVIII в. термин «отчич» в данном контексте оказался настолько непонятен, что он, не вдаваясь в объяснения, просто предположил опisku вместо «отчим». Принять эту догадку, разумеется, нельзя. Она неверна исторически, потому что «чия она жена была дочь» как раз хорошо известно: в 1150 г. Владимир женился на дочери хорватского бана Белуша (Белы), дяди жены венгерского короля Гезы II [ИЛ: 407; Домбровский 2015: 178–180], и об этом браке сам историк подробно повествует в своем месте [Татищев 1964: 27–28]. Молчаливая конъектура Татищева безосновательна и текстологически. Чтение *отьчичь* твердо засвидетельствовано всеми списками — не только Ипатьевским, но и Хлебниковским («о(ть)чичю») [Х/П: 237, л. 481.26], равно как и списками (так называемыми Голицынским и Раскольничьим), бывшими под рукой самого историка (вероятно, оба они принадлежали к группе Хлебниковского [Толочко 2005: 102–169]), коль скоро в тексте «Истории российской» значится все-таки «к отчичу своему Глебу».

На произвольность поправки В. Н. Татищева не преминул указать кропотливый Н. М. Карамзин, предложив свое толкование: «Отчимом именовался в старину наследник отцовского достоинства: Андрей хотел сказать, что Глеб наследовал дружбу отца своего к дому Мстислава Великого» [Карамзин 1842: 168 (примечания к т. 2), прим. 417]. Желая удержать привычное понимание термина, историограф придает ему фигуральное значение: подразумеваемым «отцовским достоинством» оказывается предполагаемая «дружба» Ростислава Ярославича с Мстиславичами. Слабость этой идеи, все остроумие которой происходит, кажется, от безысходности, обнаруживается тем фактом, что среди весьма многочисленных (146!) упоминаний термина «отьчина», учтенных картотекой Словаря древнерусского языка XI–XIV вв., не видно случаев фигурального употребления [СДРЯ VI: 312–313, ст. **ОТЬЧИНА**].

Из других комментариев к занимающему нас казусу нам известен лишь один. По мнению польского генеалога Д. Домбровского, использование слова «отчич» для определения степени родства «можно... логично объяснить, только (разрядка наша. — А. Н.) если мы предположим», что Глеб Ростис-

славич «был сыном тестя» Владимира Мстиславича [Домбровский 2015: 180]. Но для «сына тестя» среди русских названий степеней родства есть вполне обычное, устойчивое наименование «шурин», и оно корректно употребляется в летописи в том числе и к генеалогическому окружению Глеба Ростиславича. Так, после убийства Андрея Боголюбского в 1174 г. ростово-суздальская знать шлет послов к Глебу со словами: «князя наш(е)го Б(о)гъ пояль, а хочемъ Ростиславичю Мстислава и Ярополка, твоею шюрину» [СЛ: 372]; Мстислав и Ярополк, сыновья уже упоминавшегося Ростислава, старшего брата Андреева, в то время обретались у Глеба Рязанского, потому что тот действительно был женат на их сестре. Д. Домбровский видит эту трудность и поясняет: понятие «отчич» вместо обычного «шурин» появилось в данном случае в связи с тем, что Андрей намеревался наделить Владимира за счет владений Глеба. Логика этого аргумента осталась нам непонятной. Не говорим уже о том, что вряд ли Андрей Боголюбский, несмотря на все свое влияние, имел право и возможность наделять кого бы то ни было в области другого владетельного князя. Скорее всего то было обещание, к исполнению которого Андрей собирался приступить после овладения Киевом, когда в его распоряжении появится целый ряд южнорусских волостей (что, заметим, и случилось в начале 1169 г.).

Неудачное, на наш взгляд, по сути предположение Д. Домбровского ценно, однако, тем, что в данном конкретном случае порывает с очевидной семантической парностью *отъчичь* : *отъчина*, вводя термин в круг употребительных патронимических обозначений типа др.-русск. *братаничъ* «сын брата, племянник по брату» [СДРЯ I: 306–307, ст. **БРАТАНИЧЬ, БРАТИЧИЧЬ**], *сестричичъ* «сын сестры, племянник по сестре» [СДРЯ XI: 139–140, ст. **СЕСТРИЧИЧЬ, СЕСТРИЧИЩЬ**], *мачешичъ* «брат по отцу, но от другой матери — мачехи» [СДРЯ IV: 515, ст. **МАЧЕШИНИЧЬ, МАЧЕШИЧЬ**]. (Интересно, что последний из трех названных терминов употребляется именно в отношении Владимира Мстиславича, который, происходя от второго брака отца, из перспективы старших Мстиславичей был именно «мачешичем».) В таком случае лексема *отъчичь* «сын отца», кажущаяся тавтологической, может иметь оправдание, собственный нетривиальный смысл, если подразумевается не физический, родной, отец, а какой-то иной. Д. Домбровский предпочел вариант *тесть* = *отец* (в расширительном смысле). Разумеется, несложно представить себе внутрисемейную ситуацию, когда муж или жена уважительно называют тестя или свекра отцом. Но справедливости ради надо сказать, что те примеры, на которые ссылается польский историк [Домбровский 2015: 180, прим. 732], к делу вовсе не идут. Да, юный венгерский король Геза II называл иногда киевского и волынского князя Изяслава Мстиславича, на четверть века более старшего, отцом, но при этом Изяслав приходился Гезе вовсе не тестем, а шурином (король был женат на сестре князя). Нам не удалось обнаружить свидетельств о том, что волынский князь Даниил Романович величал половецкого хана Котяна отцом, но даже если бы они нашлись, Котян, будучи дедом (по матери) первой жены князя Даниила Романовича, не мог являться тестем для последнего.

Более естественной нам представляется другая возможность: отец = восприемник из крещальной купели, крестный отец. В церковноправовом отношении такое духовное родство вполне приравнивалось к родству по крови, накладывая, в частности, на духовных родственников ограничения по браку, которые, впрочем, как видно, на Руси не слишком соблюдались. При обращении к конкретному лексическому материалу удивляет редкость контекстов, в которых могло бы актуализироваться это значение. Не то удивительно, что в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. лексема *отць* в значении «крестный отец» не отмечена, а то, что не значатся и словосочетания *крѣстьными отць* и *крѣстьными сынъ* [СДРЯ IV: 317–318, ст. **КРѢСТЬНЫИ**], хотя существование института восприемничества при крещении не подлежит сомнению [Цыпин 2005]. Несколько более поздние примеры есть. Так, в Новгородской первой летописи младшего извода под 6849 (1341/2 мартовским) годом значится: «Тое же зимы приихаль Михаилъ княжичъ Олександрович со Тьфѣри в Новьгород ко владыцѣ, сынъ хрестьными, грамотѣ учится» [НПЛ: 354]. Крестным отцом будущего тверского великого князя Михаила Александровича оказывается новгородский архиепископ Василий Калика. Еще более показателен казус из Номоканона: «Аще попинъ хошет дѣтя кр(ѣ)стити. и о(т)цемъ быти...» [Смирнов 1912: 119, § 60; 137, § 16]; здесь «отец» употреблено, разумеется, именно в значении «крестный отец», ибо смысл правила как раз и состоит в том, что священник, который занят богослужением, не может держать на руках крещаемого, как то положено восприемнику, «егда на переносъ нести», т. е. во время хождения вокруг анаоя, и должен поручить «иному нести».

Интересно, что в обоих случаях речь идет о том, что крестным отцом становится духовное лицо, производящее крещение; применительно к архиепископу Василию и княжичу Михаилу это прямо засвидетельствовано Новгородской летописью восемью годами ранее: «и у князя Олександра крестиль сына Михаила» [НПЛ: 345]. Возможно, в этом обычае и кроется причина (по крайней мере отчасти) того, что летописные тексты не дают никаких подробностей княжеских крещений. Даже владими́ро-суздальский летописец времен Всеволода Большое Гнездо, весьма внимательный к семейным обстоятельствам князя, факт крещения его сыновей отмечает с трафаретной лапидарностью: «М(ѣ)с(я)ця мая въ 18 д(ѣ)нь, на памят(ѣ) с(вя)таг(о) муч(еника) Потапья в суб(о)ту роди[ся] с(ы)нь у великаго князя Всеволода, и нарекоша имя ему в с(вя)тѣмъ кр(ѣ)щ(е)нии Костянтинъ»; «Родися у Всеволода князя великаго с(ы)нь, и нарекоша имя ему в с(вя)тѣмъ кр(ѣ)щении Борисъ» и т. п. [СЛ: 396–397, 404]; приводя порой развернутые календарные данные, летописец совершенно не интересуется персоной крестного отца новорожденного.

Такая же стереотипная формула, иногда довольно распространенная, но не за счет имени крестного отца (см., например, целый рассказ о появлении на свет в 1170 г. Ростислава Рюриковича [ИЛ: 566–567]), характерна для сообщений о рождении и крещении княжичей и (реже) княжен у киевских летописателей. Благодаря словоуказателю, приложенному к лингвистическому изданию Киевской летописи по Ипатьевскому списку И. С. Юрьевой, здесь

возможны даже количественные оценки [КЛ: 681, ст. **КРЬЩЕНИЕ**]. Выявляются 14 контекстов на полувековом хронологическом пространстве от 6659 до 6705 г.; из них имя восприемника при крещении упомянуто только однажды: «Родися у великого Всеволода четвертая дчи, и нарекоша имя во с(вя)т(ѣ)мъ кр(ь)сщ(е)нии Полагья а к(ь)н(я)зя (так! надо: княже. — *А. Н.*) Сбыслава, и кр(ь)сти ю тетка Олга» [ИЛ: 613]. Княгиня Ольга Юрьевна, старшая сестра Всеволода Большое Гнездо, выданная в свое время за галицкого князя Ярослава Владимировича Осмомысла, во второй половине 1170-х годов из-за семейного конфликта вернулась на родину в Суздаль, где приняла монашество с именем Евфросиния. Итак, новорожденную княжну крестит близкая родственница, пожилая инокиня.

К этому редкому прямому свидетельству можно добавить кое-какие данные несколько иного рода.

Первым делом на память приходит, конечно, летописный рассказ о том, как княгиня Ольга «переключала» в Царьграде императора, пожелавшего взять ее в жены: «Она же разумѣвши реч(е) ко ц(ѣ)сарю, азъ погана есмь, да аще мя хощещи кр(ь)с(ти)ти, то кр(ь)ст[и] мя самъ, аще ли то не кр(ь)щюся. и кр(ь)сти ю ц(ѣ)сарь съ патр(иар)х(о)мъ... и по кр(ь)щ(е)нни возва ю ц(ѣ)сарь и рече еи хощу тя пояти собѣ женѣ. она же реч(е) како хочещи мя пояти кр(ь)сть мя самъ и нарекъ мя тьщерью, а [въ] х(рь)с(т)еянехъ того нѣтъ закона... и отпусти ю нарекъ ю дьщерью» [ПВЛ: 61]. Сейчас нас не занимает вопрос, насколько неправдоподобен процитированный диалог (Константин VII к тому времени был давно женат), была ли произведена Ольга в ранг «духовной дочери» василевса в смысле идеальной византийской иерархии государей [Dölger 1964] так же, как, например, приходился «духовным сыном» (πνευματικὸς υἱός) тому же императору болгарский царь Петр [Const. De serim.: 682.12, сар. II, 47]; важно только то, в какие вербальные формы облекает легенду летописец. Коль скоро император нарек княгиню «дщерью», то он для нее стал в свою очередь «отцом». Практика такого рода «политических» крещений [Angenendt 1984] — дело особое, но терминологически она следует, что замечательно, степени реального родства: уже упомянутый царь Петр для императора Романа I Лакапина был «духовным внуком» (πνευματικὸς ἑγγονός), а Роман ему, соответственно, «духовным дедом» (πνευματικὸς πάππας) [Const. De serim.: 681.5, 13], потому что Петр был женат на Марии Лакапине, дочери Христофора, сына и соправителя Романа. Вот почему Константин VII, женатый на дочери Романа I, оказывается для Петра «духовным отцом». По браку с Марией Петр оказался в разветвленном духовном родстве со всем семейством Романа.

Есть и немногочисленные указания, которые подкрепляют приведенное выше одинокое сообщение о крещении Сбыславы-Пелагеи Всеволодовны, свидетельствуя, что восприемничество от крещальной купели входило в круг внутридинастических отношений между князьями в домонгольское время.

Показательно, что данные происходят не из собственно летописных источников, а из текста крайне редкого лирически-исповедального жанра — Послания Владимира Всеволодовича Мономаха своему двоюродному брату Оле-

гу Святославичу, хотя и дошедшего в единственной неполной рукописи в составе Лаврентьевского списка Повести временных лет; здесь, в статье 6604 г., оно подверстано к другим сочинениям Мономаха — Поучению детям и Молитве. Содержание Послания вращается вокруг скорбного для автора происшествия — гибели его сына Изяслава в бою под Муромом против Олега в сентябре 1096 г. Толчком к написанию Послания послужило письмо к Мономаху его другого, старейшего, сына — новгородского князя Мстислава: «Да се ти написах зане принуди мя с(ы)нъ твои, его еси хрстиль иже то сѣдти близъ тебе (Олег к этому времени захватил Ростов и Суздаль. — А. Н.), прислалъ ко мнѣ мужьство (мужей. — А. Н.) и грамоту, река ладимься и смѣрим(ъ)ся, а братцю моему судъ пришелъ, а вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Б(ог)а, а стануть си предъ Б(ого)мъ, а Русьскы земли не погуби. и азъ видѣх смѣренье с(ы)на своего сжалих(ъ)си и Б(ог)а устраших(ъ)ся» [ПВЛ: 252]. Этот замечательный своей прочувствованностью текст для нас замечателен вдвойне. В нем один и тот же человек, уже знакомый нам Мстислав Владимирович, назван сыном дважды: сыном Владимира (по крови) и сыном Олега, ибо был крестником последнего. Редактор тома Е. Ф. Карский совершенно напрасно предлагал вместо «сынъ твои» читать «сынъ мои» [ПВЛ: 252, прим. ф]. Не видно ровно никаких причин для конъектуры, которая, кроме всего прочего, внесла бы унылый тавтологический повтор в блестящий слог высокородного писателя. Итак, Мстислав перед своим кровным отцом вступился за своего другого отца — крестного.

Этого мало. Призывая Олега к примирению, Владимир ставит его условием покаяние Олега в невольном соучастии в гибели племянника; желая пробудить покаяние, он рисует картину гибели юного князя: «Егда же убиша дѣтя мое и твое предъ тобою, и бяше тебѣ узрѣвше кровь его, и тѣло увянувшю яко цвѣту нову процветшю, якож агньцю заколену, и рещи бяше стояще над ним, вникнущи [въ] помыслы д(у)ши своен, увы мнѣ что створихъ» и проч. [ПВЛ: 253]. Оказывается, что Изяслав так же, как и его старший брат, — «дѣтя» не только Владимира, но и Олега! Обстоятельство немаловажное, поскольку позволяет догадываться о политико-династической подоплеке выбора Владимиром (или его отцом Всеволодом Ярославичем, тогда князем черниговским) крестного отца для Изяслава. Мстислав родился в начале 1076 г., когда Владимир и Олег вернулись из совместного чешского похода, куда их послал киевский князь Святослав Ярославич, отец Олегов [ПВЛ: 199, 247]. Нетрудно понять, что Олег был выбран в воспитанники первенцу Владимира вследствие близости двоюродных братьев, которая отражала родство и политический союз между их отцами, — близости как политической, так и географической, ибо они сидели на соседних столах (Мономах — во Владимире Волынском, Олег — в Турове). Ситуация с Изяславом — сложнее. Он должен был родиться в промежуток от начала 1077 до марта 1078 г., ибо в апреле 1078 г. Олег уже бежал из Руси в Тмуторокань к брату Роману. Политическое положение к тому времени радикально переменялось. В декабре 1076 г. умер Святослав, и в Киеве водворился Всеволод, а с июля 1077 г. — старший из Ярославичей Изяслав, ранее изгнанный из столицы Святославом и Всеволодом. Олег из князя, в чьем

расположении были заинтересованы, превратился в лицо, нуждавшееся в покровительстве, которое и оказал ему Всеволод (возможно, по договору с покойным Святославом). Это значит, что приглашение Олегу стать крестным отцом для Изяслава было знаком приязни сильнейшего к младшему родственнику, династическая позиция которого резко ослабла.

С учетом представленных фактов вернемся к вопросу о Глебе Ростиславиче как «отчиче» своему четвероюродному брату Владимиру Мстиславичу в предположении, что это определение имеет в виду отчество отца крестного. Конкретная расшифровка, вообще говоря, двойится: либо Мстислав, отец Владимира, был крестным отцом Глебу, либо Ростислав, отец Глеба, являлся восприемником Владимира. Хронологически возможны оба варианта. Когда родился умерший в 1177 г. [ИЛ: 606] Глеб Ростиславич, неизвестно. Его отец Ростислав Ярославич был, видимо, третьим по старшинству сыном Ярослава Святославича, появившегося на свет около 1070 г. Следовательно, Ростислав мог родиться уже примерно около 1100, а Глеб — около 1125 г. Итак, допуская эти ранние датировки, надо признать, что Мстислав, скончавшийся в 1132 г., мог крестить Глеба. Равным образом и Ростислав мог выступить восприемником при крещении Владимира, родившегося в 1131 г. [ИЛ: 294; Домбровский 2015: 176]. Но историческая правдоподобность у этих двух возможностей разная.

Очень нелегко понять, какие соображения могли побудить Мстислава как в качестве киевского столонаследника (до 1125 г.), так и в качестве киевского князя (с 1125 г.) посетить Чернигов, где с 1123 по 1127 г. сидел Ярослав, а тем более — далекую муромскую окраину, где Ярослав оказался после 1127 г., когда был изгнан из Чернигова своим старшим племянником Всеволодом Ольговичем. И, совершенно напротив, совсем не трудно догадаться, что могло в 1131 г. привести одного из сыновей недавно (в 1129 г.) умершего на муромском столе Ярослава в Киев ко двору общерусского арбитра Мстислава Великого. Трем сыновьям Ярослава Святославича непросто было поделиться в небогатом Муромо-Рязанском крае, в котором и впоследствии плохо уживались друг с другом члены многочисленного племени Ярославовых потомков (достаточно вспомнить знаменитую братоубийственную резню в Исадах в 1206 г.). Юрию Ярославичу, вероятно, старшему из братьев, достался главный стол — Муром, тогда как Святослав и Ростислав вдвоем довольствовались Рязанью [ВЛ: 242]. Налицо конфликтная ситуация, в которой ущемленной стороной естественно было оказаться самому младшему — Ростиславу.

Со своей стороны, Мстислав должен был испытывать угрызения совести по отношению к потомству Ярослава Муромского. Дело в том, что в роковом для Ярослава 1127 г. Мстислав нарушил договор со своим младшим дядей, в силу которого обещался удержать за Ярославом Чернигов, его отчину. Эта некрасивая и поучительная история в подробностях изложена в Киевской летописи. Когда Всеволод Ольгович согнал дядю с черниговского стола, Ярослав послал к киевскому князю Мстиславу со словами: «хресть еси человаль ко мнѣ, поиди на Всеволода». Мстислав хотел было вмешаться, и нависла угроза серьезной войны, так как Всеволод призвал на помощь половцев. Григорий,

игумен киевского монастыря св. Андрея (семейной обители Мстислава), личность весьма влиятельная («чтень же ото Мьстислава и ото всихъ людей»), отговаривал князя, боясь большого кровопролития. В отсутствие митрополита собрался даже «сборъ иереискии... и рекоша Мьстиславу, на ны будеть тотъ грѣхъ, и створи волю ихъ, и съступи хр(ь)ста Мьстиславъ къ Ярославу, и плакася того вся д(ь)ни живота своего. Ярославъ же поиде опять к Мурому» [ИЛ: 290–292]. Когда четыре года спустя обиженный Ростислав Ярославич (принимаем это как рабочую гипотезу) прибыл искать справедливости к Мстиславу, душевная рана последнего, не утихавшая, несмотря на слезы раскаяния, побудила князя, надо думать, проявить подчеркнутое расположение к рязанскому родичу. А пригласить его посаженным отцом на подросшие крестины — самое меньшее, что можно было сделать в этом отношении сразу и не вдаваясь в политику.

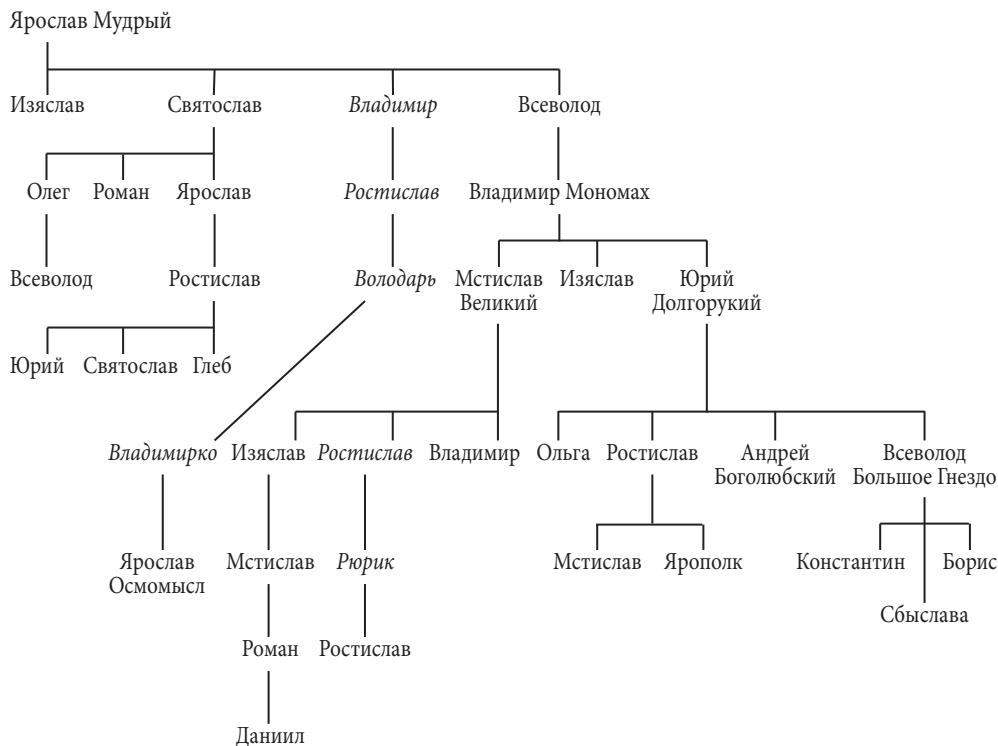
Душевная драма Мстислава Владимировича, о которой мы осведомлены столь детально благодаря тому, что она произвела необычно глубокое впечатление на современника-летописца, придает в наших глазах предположению о том, что Глеб Ростиславич являлся «отчичем» Владимиру Мстиславичу, поскольку последний был крестником Ростислава Ярославича, дополнительную психологическую убедительность.

В заключение не забудем сказать, что впервые мысль о Ростиславе как крестном отце Владимира высказал, кажется, Л. Махновец в виде беглого примечания к соответствующему месту своего украинского перевода Ипатьевской летописи [ЛП: 292, прим. 6].

Независимо от того, правы мы или нет в наших рассуждениях, статья о лексеме «отъчичь» в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. нуждается в исправлении: два упоминания, объединенные там в едином гнезде, должны быть разнесены по двум смысловым рубрикам, которые мы предложили бы назвать так: наряду с «владетельный наследник по отцу», еще и «сын того или иного лица по отношению к крестнику последнего (?)».

Для читателя, не слишком знакомого с родословием русских князей XI–XII вв., будет, наверное, нелишним привести небольшую генеалогическую таблицу, в которую сведены персонажи, упомянутые в этой статье и только они; сверх того добавлены лишь имена необходимые для связности таблицы, которые обозначены курсивом.

ИСТОЧНИКИ

ВЛ — Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографической комиссией. СПб.: Типогр. Эдуарда Праца, 1856. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. X + 345 с.

КЛ — Киевская летопись / изд. подг. И. С. Юрьева. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. (Памятники славяно-русской письменности. Новая серия). 816 с.

ЛЛ — Літопис руський за Іпатським списком / переклав Л. Махновець. Київ: Дніпро, 1989. XVI + 591 с.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 640 с. + 10 табл.

ПВЛ — Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-археографической комиссией Академии наук СССР. Л., 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Изд. 2-е. VIII с. + 286 стб.;

ИЛ — Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорской Археографической комиссией. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. Т. 2. Изд. 2-е. XVI с. + 938 стб. + 91 с.

СЛ — Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-археографической комиссией Академии наук СССР. Л., 1927. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 2-е. 289–487 стб. + 2 с.

Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (тексты и заметки). М.: Синодальная типография, 1912. (отд. отт. из: Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 3, отд. II). 568 с.

X/П — The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostroz'skyj (Xlebnikov) and Četvertyn'skyj (Pogodin) Codices / with an Introd. by O. Pritsak. [Cambridge (Mass.)]: Harvard University Press, 1990. (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Vol. 8). 761 p. (факсимильное издание Хлебниковского и Погодинского списков).

Const. De cerim. — Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo / e rec. I. I. Reiskii. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829. Vol. 1. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). LXII + 808 pp.

KHW — Kronika Halicko-Wołyńska (Kronika Romanowiczów) / wyd., wstępem i przypisami opatrł. D. Dąbroski, A. Jusupowicz przy współpracy I. Juriewej, A. Maiorowa i T. Wiłkuł. Kraków; Warszawa: P. U. H. TECHNET, 2017. (Pomniki dziejowe Polski. Ser. II — Monumenta Poloniae Historica. Nova series. T. 16). 710 s. (в основу издания положен Хлебниковский список).

СЛОВАРИ

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XII. М.: Русский язык; Азбуковник; ЛЕКСРУС, 1988–2019. Т. 1. М.: Русский язык, 1988. 528 с.; Т. 4. М.: Русский язык, 1991. 560 с.; Т. 6. М.: Азбуковник, 2000. 606 с.; Т. 11. М.: Азбуковник, 2016. 744 с.

СлРЯ 14 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1988. Вып. 14. 312 с.

Срезн. II — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 2. 1802 стб.

ЛИТЕРАТУРА

Бережков Н. С. Хронология русского летописания. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 376 с.

Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.) / изд. исправл. и дополн.; пер. [с польск.] и вступ. слово к русск. изд. К. Ерусалимского и О. Остапчук. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. (Studiorum Slavicorum orbis. Вып. 10). 880 с.

Карамзин Н. М. История государства российского. Изд. 5-е, И. Эйнерлинга. СПб., 1842: Тип. Эдуарда Праца. Кн. 1 (тт. 1–4). 155 + 191 + 174 + 186 + 150 + 171 + 138 + 162 + 12 стб. (пагинация отдельных томов и примечаний к ним — особая).

Татищев В. Н. История российская // Татищев В. Н. Собрание сочинений в 8 тт. М.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 3. 338 с.

Толочко А. «История российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005. (Historia Rossica). 544 с.

Цыпин В., протоиерей. Восприемники // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный Центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. 9. С. 468–469.

Angenendt A. Kaiserherrschaft und Königstaufe. Kaiser, Könige und Päpste als geistliche Patrone in der abendländischen Missionsgeschichte. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1984. (Arbeiten zur Frühmittelalterforschung. Schriftenreihe des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster. Bd. 15). XIV + 378 S.

Dölger F. Die «Familie der Könige» im Mittelalter // Dölger F. Byzanz und die Europäische Staatenwelt. Ausgewählte Vorträge und Aufsätze. 2. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1964. S. 34–69.